

Когда в России будет демократия, или Наказ внукам

Автор: С. В. ЦИРЕЛЬ

Если судить по количеству публикаций в СМИ, то всех, от маститых политологов до людей "с улицы", более всего волнует проблема 2008 г. Можно не сомневаться в том, что электоральный цикл 2007 - 2008 гг. (или, точнее, его видимость) способен принести России немало потрясений. Неготовность населения страны, включая автора этой статьи и многих его читателей, на деле отстаивать свои права и свободы открывает большие возможности для тех, кто хочет патерналистский мягкоавторитарный режим В. Путина превратить в суровую диктатуру. Однако, положив руку на сердце и глядя то на результаты многочисленных социологических опросов, то на лица "представителей российской элиты", то на динамику нефтяных цен, следует признаться, что особых оснований для столь скорых пессимистических прогнозов очень мало и, не зарекаясь окончательно от "сумы и от тюрьмы", полезнее обратить основное внимание на менее грустные сценарии.

Поэтому, благоразумно оставаясь в поле благоприятных, умеренно благоприятных и наиболее вероятных сценариев, решительно отбросим наиболее катастрофические варианты и с удивлением или без него убедимся, что особых перемен ожидать не приходится. Проблема 2008 г. наиболее важна для тех, кто собираются по доброй российской традиции вешать над своей головой портрет первого лица в государстве или непосредственно зависят от "вешателей портретов". Согласен, что вторая категория соберет немалую часть образованного российского общества, но тем не менее все они вместе составят небольшой процент во всем российском населении. Остальные граждане России и многие из указанной категории смогут извлечь больше информации из динамики сырьевых цен в мире, чем из наблюдений за имитацией выборного процесса в России. Для страны и для судьбы отдельного человека, взятой во всем ее протяжении, гораздо важнее длительные перемены, происходящие с изменениями ситуации в мире и со сменой поколений в стране.

Одним из самых тяжелых последствий легкой поры перестройки конца 1980-х и трудного начала 1990-х гг. было исчезновение советского "среднего класса" с его смутными полудемократическими-полусоциалистическими идеалами позднесоветского времени, реализующего право на свободу мнений на прокуренных кухнях с прикрытым подушкой телефоном и обустроивающего быт в жестокой борьбе с товарным дефицитом. Бывшие его представители или сумели, не щадя времени, энергии и приверженности приличиям, пробиться в новые элиты, или не смогли удержаться на плаву и пополнили ряды "новых бедных". Эволюция взглядов бывших западников-бюджетников, их разделение на стойких яблочников-демократов и популистов националистического толка, а

Ц и р е л ь Сергей Вадимович - доктор технических наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института горной геомеханики и маркшейдерского дела (Санкт-Петербург).

также множество переходных категорий может представлять большой интерес для историка наших времен, но вряд ли столь актуальна для футурологического очерка.

Главными героями футурологического жанра должны быть представители иных поколений. Как я уже писал, на смену советскому среднему классу пришло племя "новых российских трудоголиков. Как правило, это люди молодые и среднего возраста (для определенности 25 - 45 лет), жители Москвы и других больших городов, с высшим образованием, обычно не обремененные высокими духовными запросами и чрезмерной моральной щепетильностью, но и существенно отличающиеся от героев криминальной приватизации. По оптимистической оценке они составляют преобладающую часть пресловутого "среднего класса". Однако в масштабе всей России их мало, и трудно представить, каким образом значительная часть старшего поколения в больших городах и всего населения в провинции сумеет влиться в их ряды. Кроме того, материальные запросы новых трудоголиков по российским меркам относительно велики, и частично они удовлетворяются посредством неадекватного перераспределения доходов в их пользу. Готовности же поделиться своими доходами - ни ради повышения конкурентоспособности других слоев населения, ни в целях достижения большей социальной справедливости, - у большинства из них, как мне представляется, не наблюдается" [Цирель, 2003, с. 182].

За прошедшие с тех пор годы на нас пролился золотой дождь нефте- и газодолларов, резко увеличивший внутренний спрос, а рост доходов населения ослабил социальные противоречия 1990-х гг. Конечно, самые глубокие противоречия никуда не ушли, просто за золотым дождем, хлещущим в Москве, льющимся в других мегаполисах и капающим в более мелких городах, мы почти не видим ни продолжающейся тихой нищеты деревень и многих малых городов, ни истинного механизма разрешения прошлых противоречий - смены поколений.

Однако за эти годы мы увидели и другое. Молодые трудоголики заметно увеличились в числе и сумели определиться в своих не только экономических, но и политических представлениях. Пессимистический взгляд на мир заставляет говорить, что им не нужна конституция, им достаточно севрюжины с хреном. И действительно, глядя на развал избирательной системы, рейтинги Путина, дело М. Ходорковского и т.д., возразить нечего. Наши трудоголики либо вообще не ходят на выборы, либо голосуют за чиновников Единой России, с которыми можно договориться на взаимовыгодной основе, либо, что уже совсем неприятно для либерала, за откровенных шовинистов, подчас демонстрируя антиамериканизм в стиле славного президента Ирана.

Можно сказать про них еще немало горьких слов: они сильно заражены национализмом, им свойственны национальные фобии, особенно по отношению к южным народам нашей страны, они равнодушны к либеральным лозунгам и совсем не привержены демократии. Их подчеркнутый патриотизм по-прежнему не вызывает у них желания делиться своими доходами с бедными, старыми и больными. Они готовы давать взятки чиновникам (а те готовы их брать и просить о новых), их устраивает персоналистский режим Путина, защищающий обеспеченную часть общества от тихого недовольства бедняков и частенько греющий души антиамериканскими и шовинистическими речами. Рабски подражая американским традициям в офисах и даже квартирах, они пьют антиамериканизмом. Ненависть к миру, в котором они не имеют статуса подданных сверхдержавы, объединяет все слои общества и порой принимает патологические формы. Антиукраинские, антигрузинские и другие пятиминутки ненависти находят живой отклик у большинства населения нашей страны, и наши продвинутые трудоголики в первых рядах их подпевал.

Но можно сказать и другое. Эти люди, в отличие от нас, воспитанных и живших при советской власти, и экономически, и психологически гораздо более независимы от государства. Идеал государственного патернализма (вместе с коллективизмом, духовностью и соборностью) на словах им не менее близок, чем всем остальным. Но на деле (как нынче говорят, *по жизни*) они другие. В тех ситуациях, когда мы побежим с челобитными к начальству или, наоборот, будем писать гневные прокламации, они пойдут в суд или к чиновнику, с которым можно "решить вопрос".

Это антизападное поколение, смеющееся над западниками-либералами и одобряющее персоналистский режим Путина, по сути первое самостоятельное независимое поколение с вполне западными бытовыми привычками и даже трудовыми навыками. Они хотят и умеют зарабатывать деньги с помощью напряженного квалифицированного труда. При этом в отличие от населения западных стран у них почти нет ни желаний, ни навыков самоорганизации. Каждый за себя и только для себя.

Но даже и здесь мы можем разглядеть в микроскоп малозаметные перемены - кондоминиумы, другие формы самоорганизации в жилищах, протесты автомобилистов. Этого очень мало, скорее уж зреют крикливые националистические партии полуфашистского и откровенно фашистского толка, но все же какая-то (пусть мелкая, бытовая и меркантильная) самоорганизация нарождается на наших глазах. Кроме того, возникли виртуальные суррогаты гражданского общества, прежде всего ЖЖ, в той или иной мере объединяющие тысячи людей и даже порой способные на какие-то действия в реальном мире.

Что же ждет нас в ближайшем будущем? Как сможет и сможет ли вообще персоналистский мягкоавторитарный режим Путина перейти в более демократический? Или нас ждет откровенная диктатура? Как сосчитала Л. Шевцова, существует примерно в три раза больше аргументов в пользу худшего варианта, и с ней трудно не согласиться (см. [Шевцова, 2005], а также дискуссию на сайте "Либеральной России" "Неэффективность и неустойчивость персоналистского режима" <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=585>).

Но все же, как я попытаюсь показать, есть и другие, более оптимистические варианты. Только надо набраться терпения и ждать перемен не в масштабах электорального цикла, а в масштабах смены поколений.

У нас нет серьезных оснований надеяться на благоприятные перемены в 2008 г. Какой устойчивый поворот к демократии может произойти в стране, где практически нет демократов? Даже лидеры и активисты западных либерально-демократических партий с трудом могут быть причислены к этой категории; они слишком авторитарны, слишком верят в реформы "сверху" и вовсе не склонны доверять воле народа. Что уж тогда говорить обо всех остальных?

Ловушка 2008 г. - казус, которого в принципе могло и не быть. Хотя ограничение срока власти было распространенным лозунгом в 1980 - 1990-е гг. (и в более ранние времена), но, например, если бы Б. Ельцин в 1993 г. был на 10 лет моложе, то данный параграф мог бы и не войти в окончательный текст Конституции России. Как вошли принципиально важные президентские рычаги в отношении исполнительной власти, равно как и в отношении законодательной, и двойная роль президента [Краснов, 2006], но не вошла выборность верхней палаты парламента.

Тем не менее этот казус хорошо отражает специфическое положение политической системы России среди бывших республик СССР. Одни страны (прежде всего государства Прибалтики) явно идут по демократическому пути (хотя и не без националистических вывертов в стиле Европы 1920 - 1930-х гг.). Другие страны, наоборот, превратились (остались) в откровенно авторитарные, чей авторитаризм лишь слегка прикрыт грубо намалеванными либеральными декорациями. Третья группа стран в метаниях "цветных" революций ищет свой путь, в той или иной мере склоняясь к демократическому варианту. Самый факт нескольких смен властных элит по воле народа позволяет делать такие утверждения, несмотря на крайнюю слабость и непоследовательность демократического процесса. И лишь одна Россия, растерявшая большую часть демократических завоеваний перестроечных и первых послеперестроечных лет, по-прежнему пытается изображать незыблемость демократического строя в тот момент, когда скрыть измену идеалам времен краха советской власти стало почти невозможно. Бессодержательные рассуждения о суверенной демократии на фоне полного распада зарождавшейся выборной системы могут убедить лишь тех, кто ждет слов о демократии, а не самого народовластия.

Нам пока не дано знать, как разрешится коллизия 2008 г. Возможно, сегодня это неизвестно даже Путину. Надеяться на демократические варианты особых оснований нет, но и ждать перехода к жесткому авторитаризму, как мне представляется, тоже нет серьезных оснований. С одной стороны, член "Большой восьмерки" и Совета Европы постарается соблюсти хоть какой-то политес. С другой стороны, есть экономические ограничения - пределы огосударствления экономики, за которыми последуют серьезные экономические и политико-экономические проблемы. И есть надежда, что сам Путин и/или его преемники это понимают.

Рассуждая о более далеком будущем, я ограничусь одним из наиболее благоприятных вариантов. Как известно, существует 50 - 60-летний цикл - цикл Н. Кондратьева или цикл двух поколений, - когда внуки во многих смыслах больше похожи на дедов, чем на отцов. Это не закон истории, как некоторые склонны думать (см., например, [Modelsky, 1987]), и весь исторический процесс даже за последние 300 лет невозможно однозначно расчертить по фазам цикла. Но тем менее, этот цикл отчетливо (статистически значимо) проявляется после крупных событий (и поколений, выросших в условиях перемен). Последние исторические исследования (см., например, [Turchin, 2003]) отчетливо демонстрируют подобные волны.

Я надеюсь, что дети наших детей, родившиеся буквально вчера или которым суждено родиться завтра, унаследуют самостоятельность своих родителей, их экономическую и психологическую независимость от государственной власти. И в то же время они вспомнят о политической активности своих дедов (не будем уточнять, как недолго она длилась) и зададутся простыми вопросами: если государство так малоэффективно, то почему оно имеет столько прав? почему мы сильно зависим от государства и почему оно так слабо зависит от нас? и т.д. Конечно, нельзя гарантировать, что такой момент обязательно наступит¹, но если он наступит, то это будет далеко не завтра.

Самый ранний период, на который можно надеяться, - значимое вступление обсуждаемого поколения в политическую и экономическую элиту общества. В революционном варианте люди вступают в большую политику рано, например в возрасте около 30 лет. Тогда начала перемен можно ожидать примерно к 2030 - 2035 гг. В более спокойных эволюционных вариантах вступление в большую политику происходит позже, и тогда перемен следует ожидать в 2040-х гг. В общем, самая близкая критическая дата - 2035 - 2040 гг. или даже более поздние годы.

Однако стоит ли возлагать столь большие надежды на еще не вступившее в жизнь поколение, есть ли шанс, что оно действительно сумеет переменить устройство нашей страны? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к замечательной, хотя и прочно забытой книге М. Гершензона "История молодой России" [Гершензон, 1923]. В ней противопоставляется поколение декабристов поколению Н. Станкевича и А. Герцена. Сравнивая эти два поколения, Гершензон выделяет несколько принципиальных различий, которые заслуживают более серьезного обсуждения.

Однако все отличия способов мышления или мировоззрений, особенно при сопоставлении не двух людей, а двух больших неоднородных групп, всегда субъективны и могут быть истолкованы весьма различными способами. Поэтому начну с самой простой, но строго фиксируемой и важной для нас характеристики, - скорости взросления. Гершензон пишет: "Может быть, ни в чем так ясно не обнаруживается характер эпохи, как в раннем созревании того поколения: Пушкин, Чаадаев (! - С. Ц.) - в 16 лет зрелые люди, так всегда бывает в периоды господства законченных мировоззрений, когда юноше остается только усвоить готовые приемы и навыки мышления. Станкевич и его товарищи созревают гораздо медленнее" [Гершензон, 1923, с. 5]. Предложенная им классификация поколений, или, точнее, ее распространение на большой отрезок российской истории, занимает промежуточное место между регулярными (в идеале строго чередую-

¹ Я не пытаюсь предсказывать будущее. Для настоящих предсказаний надо предсказывать положение во всем мире, включая цены на нефть и многое другое, что угадать невозможно.

щимися) сменами поколений одного типа поколениями другого типа [Шлезингер, 1992; Шумпетер, 1992] и выделением одного-единственного поколения (в крайнем случае двух поколений), создающего нацию с ее мифологическими историей и географией и оформленными традициями, якобы уходящими в седую древность [Андерсон, 2001; Геллнер, 1991]. Сам Гершензон, проводивший параллель между "Молодой Россией" и "Молодой Германией" или "Молодой Италией" (именно они и дали название книге и ее героям), в первую очередь имел в виду уникальный эпизод в истории русской общественной мысли, породивший дискурс спора западников и славянофилов, до сих пор образующий стержень, вокруг которого строятся рассуждения российских мыслителей и публицистов².

Однако в моем понимании противопоставление быстро взрослеющих поколений, опирающихся на готовую традицию, и поколений медленно зреющих авторов новой традиции имеет более широкий смысл, нежели только зарождение национального дискурса. В качестве самого близкого примера подобного противопоставления можно привести противопоставление поколения "шестидесятников" поколению "застоя". Но прежде чем проводить такое сопоставление, хотелось бы напомнить, что в большей части рассуждений под поколением имеется в виду не вся совокупность людей, родившихся в тот или иной период, а лишь небольшая наиболее активная их часть, оставившая след в истории культуры и идейных течений и в той или иной мере заразившая большинство остальных представителей данного поколения в строго демографическом смысле. Таким образом, поколения, о которых я веду речь, являются одновременно идеальным типом в стиле М. Вебера или даже художественно-публицистическим образом [Вайль, Генис, 1998] и претендующим на социологическую достоверность описания, значительной доли людей, живших в России в определенное время [Грушин, 2001; 2006].

Первое из них в своем вполне отчетливом противостоянии поздней сталинщине опиралось на еще более простой и еще более противоречивый, чем в эпоху декабристов, идеологический конструкт, вмещавший одновременно гуманизм XIX в., коммунистические "ленинские нормы", иконописных героев гражданской войны и персонажей романов Э. Хемингуэя, нацеленность на построение "материально-технической базы коммунизма", поднимавшей уровень жизни советских людей, и борьбу с мещанством, переходящую в аскетическое презрение к бытовым удобствам и материальным ценностям. Это противоречивое до неправдоподобия мировоззрение предстает перед нами не только в упомянутой книге П. Вайля и А. Гениса, но также в первых социологических опросах Грушина и воспоминаниях старшего поколения. И такое противоречивое мировоззренческое смешение, для которого призывы "за все хорошее, против всего плохого" было отнюдь не ерничеством, не насмешкой, а реальным лозунгом. Столь быстрая трансформация сталинского режима³, переход большевистского режима из крайней части западнического лагеря в крайнюю часть славянофильского, расположенную неподалеку от только что разбитых фашистов, требовали не только от уцелевших сторонников коммунистических идеалов, но и от всех гуманистически настроенных людей быстрого ответа, не входящего в противоречие с настроениями общества и господствующей догмой.

Естественно, столь шаткая конструкция не могла рассчитывать на долгую жизнь, и уже следующее поколение было вынуждено искать новые ответы на извечные вопросы, причем в отличие от своих предшественников они не имели строительного материала для быстрого возведения красивых и неустойчивых конструкций. Спор сталинистов и антисталинистов проблематизировал советскую власть в принципе, ее противоположность Российской империи и ее родство с ней. Неудача построения нового общества, связанная как с чересчур приземленным идеалом советской власти, которая обещала в

² См., например, любопытную книгу с характерным названием [Блехер, Любарский, 2003], комментирующую спор, представленный в книге "Западники и националисты: возможен ли диалог?".

³ Впрочем, предсказанная Г. Федотовым еще в 1935 г. [Федотов, 1992].

отмеренные сроки исключительно посустороннее и конкретное чудо, так и с произошедшей сменой типа потребления [Цирель, 2004], ускорила распад идеологии шестидесятников. Следующее поколение, поколение застоя, в расширенной классификации Гершензона принадлежит к медленно зреющим поколениям, самостоятельно строящим свои представления и идеалы. Разумеется, поколение застоя, к которому принадлежу я, ни по страсти интеллектуальных и нравственных исканий, ни по размаху своих интеллектуальных достижений, ни по вкладу в историю русской мысли не может сравниться с молодой Россией Герцена или А. Хомякова. Тем не менее по скорости взросления или по разнообразию взглядов оба поколения имеют немало общих черт. Пожалуй, главной заслугой поколения застоя стало восстановление традиционного российского дискурса вместе со всеми его перепевами и ответвлениями⁴.

В отличие от регулярного чередования новаторов и консерваторов у Й. Шумпетера [Шумпетер, 1992] или либералов и консерваторов у А. Шлезингера [Шлезингер, 1992] мы очень плохо умеем или вовсе не умеем объяснять нерегулярные чередования быстро зреющих поколений, опирающихся на готовые идеологии, и медленно развивающихся поколений, ищущих новые пути. В начале 1990-х гг. оптимисты-рыночники ждали едва ли не идеальных представителей гражданского общества, проникнутых протестантской этикой и одновременно идеалами Просвещения и Великой французской революции. Пессимисты ждали, что криминальная приватизация породит целое криминальное поколение⁵. Появление вслед за поколением застоя быстро созревшего поколения трудоголиков, мало интересующегося общественными проблемами, умеющего делать дела и деньги, подражающего Америке и ненавидящего ее, не ожидалось тогда и, скажем честно, напрямую не вытекает из представленной выше схемы. Скорее, сам плохо предсказуемый противоречивый ход событий, включая такие внешние факторы, как цены на нефть, разорение большей части советского "среднего класса", резкое изменение структуры занятости, несбывшиеся надежды на быстрое построение успешного общества западного типа, рост связей с западным миром, ностальгия по сверхдержаве вкупе с жестокой необходимостью зарабатывать деньги на жизнь, - породили обсуждаемый феномен.

Не понимая полностью генезиса мировоззрения сегодняшнего поколения, я не могу с уверенностью и судить о том, что ему воспоследует. Поэтому, скорее, моя цель состоит в том, чтобы попытаться обрисовать те задачи, которые встанут перед поколением внуков, если они действительно зададутся вопросами, сформулированными в начале статьи. Как мне представляется, стоящие перед ними задачи по своему масштабу ближе к задачам поколения молодой России Гершензона, чем поколения застоя или, тем более, их отцов-трудоголиков или прадедов-шестидесятников.

Ибо их миссия не может ограничиться лишь одним патетическим "нет" одряхлевшему авторитарному режиму. Чтобы один авторитарный режим не сменился другим, чтобы не повторить опыт своих предшественников 1917 г. или перестроечных лет, наши внуки должны представить обществу альтернативу, состоящую не только из популистских обещаний безоблачного счастья. Хотя мы вправе надеяться, что грамотная публика, привыкшая к тем или иным формам рыночной экономики, будет менее рьяно сопротивляться демократическим переменам, чем полуграмотные крестьяне 1917 г. или со-

___⁴ В качестве примеров можно привести спор А. Сахарова с А. Солженицыным, а также эффектное, хотя и малопродуктивное продолжение дискурса евразийцев в трудах Л. Гумилева и его многочисленных последователей и эпигонов. Примерами могут служить и упоминавшиеся выше книги "Западники и националисты: возможен ли диалог?" и "Главный русский спор".

⁵ Нельзя не отметить, что в первой половине 1990-х гг., когда борзые журналисты писали одобрительные статьи про киллеров и проституток, а некоторые школьники, не стесняясь, строили подобные планы на будущее, могло показаться, что худшие опасения пессимистов сбываются. Медленное очеловечивание российского бизнеса началось во время черномырдинской стабилизации 1995 - 1997 гг. и стало значимым фактором после кризиса 1998 г.

ветские люди конца 1980-х гг. Все равно без новых идей не преодолеть ни инерции уклада, ни привычек большей части населения страны, ни политиканов, рвущихся к власти под любыми лозунгами, в том числе самыми демократическими.

В российской обществоведческой науке и публицистике, как правило (см., например, [Пивоваров, Фурсов, 2001]), принято считать, что сами традиции авторитарной власти, нерыночной экономики, смешения собственности и суверенитета ("власть-собственность") и т.д. и являются теми российскими традициями, которые так трудно или вовсе невозможно преодолеть (или нужно беречь и преумножать при иных установках авторов). Однако недавно [Цирель, 2005] я предположил вторичность авторитарных традиций по отношению к отсутствию в России общепринятых правил игры (иначе говоря, одновременное существование различных правил) и нашему неумению договариваться между собой об общих правилах поведения в стандартных ситуациях. Отсутствие таких правил, или, другими словами, слабость и неустойчивость всей институциональной системы, на бытовом уровне компенсируется личными взаимоотношениями (в том числе коррупционного характера), на более высоких уровнях - временными драконовскими правилами и виртуальной мистической связью каждого с вождем. Поэтому само создание принятых большинством традиций поведения в городе уже является важным вкладом в построение демократического общества в России.

Но их искания должны затронуть не только сложную для России тему бытовой культуры, но и еще более взрывоопасную область национальной политической культуры. Бесплодность вековых споров между западниками и славянофилами, почвенниками и либералами и т.д. сама по себе может дискредитировать работу любых демократических институтов, которые все же призваны решать, какой налог следует назначить, а не вопрос, нужны ли вообще налоги. Сочетание подобных споров с коррумпированностью большей части депутатского корпуса (не воспитанного в строгих правилах добродетельного общественного поведения) и самого избирательного процесса, как мы видели на собственном опыте, способно уничтожить всякое уважение к парламентаризму и выборной власти.

Однако и полный отказ от традиционных споров не менее опасен, чем горячее увлечение ими. Можно высказать большие сомнения в том, смогут ли "суженные" люди продолжать традиции великой русской культуры XIX в. (она и без этого все более напоминает высокочтимый, но редко посещаемый музей). Но даже если на самом деле такие споры смогут стать продолжением российской культуры, признает ли их в этом качестве избиратель, мало знакомый с достижениями предков, но полный ненависти к тем, кто не признает их величия. Скорее всего, речь может и должна идти о создании некоего "плацдарма" общественного консенсуса, достаточно узкого, чтобы не разрушать противоречивую традицию, но и достаточно широкого для решения многих прикладных проблем без обращения к не найденным до сих пор ответам на вековые вопросы.

Справедливости ради надо отметить, что идеологи Единой России, Справедливой России, "суверенной демократии", "великой энергетической державы", "соревнования с Португалией" и т.д. в той или иной мере пытаются решать те же вопросы. Но их попытки, как легко видеть, носят сугубо конъюнктурный характер и существенно ограничены текущими внутри-внешнеполитическими обстоятельствами. И политические конструкты казенных идеологов оказываются не менее противоречивыми, чем представления общества, к которому они обращаются, и притом еще гораздо менее внятными, ибо кроме разнородных слоев общества с разнонаправленными устремлениями, отмеченные идеологи вынуждены учитывать интересы заказчиков, в значительной мере расходящиеся с интересами всех частей "паствы". Как мы наблюдаем, несмотря на всю демократическую риторику, заказчики менее всего заинтересованы в развитии реального самоуправления общества. В результате очень немногое из идеологических построений наших дней сможет стать достоянием следующих поколений.

Я не буду пытаться прогнозировать результаты идеологических исканий наших внуков, а ограничусь лишь констатацией, что для достижения успеха это поколение должно принадлежать к медленно зреющим поколениям, самостоятельно вырабатывающим

свои взгляды. А это откладывает возможный *наиболее ранний срок* демократических перемен, как минимум, на 2040-е гг., до которых немногим из нас суждено дожить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении. М., 2001.

Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. М., 2003.

Вайль П., Генис А. Шестидесятые. Мир советского человека. М., 1998.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Гершензон М. О. История молодой России, М. -Пг., 1923.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 1. Эпоха Хрущева. М., 2001.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 2. Эпоха Брежнева. М., 2006.

Краснов М. А. Персоналистский режим в России. Опыт институционального анализа. М., 2006.

Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. "Русская система" как попытка понимания русской истории // Политические исследования. 2001. N 4.

Федотов Г. П. Новый идол // Судьба и грехи России. Т. II. СПб., 1992.

Цирель С. В. В ожидании новых Мининых и Пожарских // Западники и националисты: возможен ли диалог? М., 2003.

Цирель С. В. Рыночная экономика и типы потребления // Экономический вестник Ростовского университета. 2004. N 1.

Цирель С. В. "QWERTY-эффекты", "path dependency" и закон Седова // Общественные науки и современность. 2005. N 5.

Шевцова Л. Россия - год 2005: логика отката // Независимая газета. 2005. 21 января, 25 января.

Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992.

Шумпетер Й. Теория экономического роста. М., 1992.

Modelsky G. Exploring Long Cycles. New York, 1987.

Turchin P. Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton (N.J.), 2003.